

УДК 294,3 (510)

ББК 86,39 (5Кит)

DOI 10.31554/2222-9175-2019-36-280-285

А. В. Зорин

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЖИЗНЬ АРДЖА-РИНПОЧЕ И СЕКРЕТ ЗОЛОТОЙ УРНЫ / ПЕР. С КИТ., ВСТУП. СТ., ПРИМ., ИНДЕКС И. Р. ГАРРИ. – 2-Е ИЗД., ИСПР. И ДОП. – УЛАН-УДЭ: ИЗДАТ. ПРОЕКТ БУРЯД-МОНГОЛ НОМ, 2019. – 480 с.

A. V. Zorin

REVIEW ON THE BOOK: ARJIA LOBSANG TUBDEN: LIFE OF ARJIA RINPOCHE AND THE SECRET OF THE GOLDEN URN / TRANSLATED FROM CHINESE, INTRODUCTION, COMMENTS, INDEX BY IRINA GARRI. – ULAN-UDE: BURYAD-MONGOL NOM, 2019. – 480 p.

Вышел в свет новый труд известного российского специалиста по новейшей истории Тибета д. и. н. Ирины Регбиевны Гарри, который на сей раз представляет собой перевод с китайского языка полной версии автобиографии одного из важнейших действующих иерархов тибетско-монгольского буддизма Арджа-ринпоче Лопсанг Туптэна. Этот лама является восьмым воплощением линии перерождений (тиб. *трулку*, монг. *хубилган*; такие ламы также часто обозначаются термином *ринпоче* [I]) отца великого буддийского наставника Чже Цонкапы, основателя школы гелук. Представители этой линии связаны с монастырем Кумбум, расположенным на самом востоке исторического тибетского региона Амдо, где рядом с тибетцами издавна живут монголы-хошуты, перенявшие их религию, многие обычаи и в некоторых местностях даже язык повседневного общения. Лопсанг Туптэн, родившийся в 1950 г. в хошутской семье, маленьким мальчиком был признан новым перерождением Арджа-ринпоче и перевезен в Кумбум, где ему предстояли годы обучения буддийским наукам и трон настоятеля крупнейшего и богатейшего монастыря школы гелук в Амдо. Нельзя сказать, что он не получил того и другого, но произошло это таким «вывихнутым» образом, какой был присущ бурному XX в.

В 1958 г. в Кумбуме началась реализация коммунистической религиозной «реформы», означавшей прямые репрессии против буддийского духовенства: сессии так называемого «разоблачения феодальных прихвостней» привели к арестам многих из старших лам. Юные *ринпоче* (их в Кумбуме было несколько) в силу своего возраста избежали худшего, но на них стояло клеймо «классовых врагов» и потенциально они в любой момент могли стать жертвами расправы в классовой борьбе. Стоит учитывать, что семьи этих маленьких *ринпоче* пострадали довольно сильно: многие их близкие родственники (в т. ч. отец автора книги (с. 97) попали в тюрьмы и трудовые лагеря, и вернулись оттуда потом далеко не все. Рядовым ламам новая власть пыталась найти новое, «трудовое» применение: в качестве поваров, убор-

ЗОРИН Александр Валерьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт восточных рукописей РАН» (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kawi@yandex.ru.

щиков, аграриев и т. д.; «много монахов отказалось от обетов и вернулось домой» (с. 67), некоторые стали студентами. Сам монастырь был в какой-то момент заселен студентками – при том, что по правилам монастырской жизни «женщинам не разрешалось оставаться на ночь... Сейчас же эти наивные молодые девушки появлялись с улыбками на лицах во всех закоулках монастыря... все переменялось вплоть до того, что немало монахов, даже не возвратив обетов, брали себе в жены девиц из других мест и селились с ними в монастыре» (с. 66). Маленьких монахов отправили учиться в поселковую школу, где все образование шло на китайском языке и в сугубо китайской среде: новоиспеченные тибетоязычные школьники подвергались некоторым насмешкам со стороны одноклассников, хотя, как отмечает Арджа-ринпоче, постепенно черты, выдававшие в них чужаков (прежде всего незнание языка), стирались, и он со многими подружился (с. 60). Впрочем, процесс обучения в светской школе продолжался всего четыре года.

В 1962 г. наступил новый период в жизни Арджа-ринпоче, так как его и другого юного кумбумского *трулку* по имени Серток-ринпоче взял под свою опеку Панчен-лама, второй по значимости иерарх школы гелук, и перевез их в свой монастырь Ташилхунпо в Центральном Тибете. Поскольку «партия» Панчен-ламы занимала умеренно прокитайскую позицию в период, предшествовавший установлению контроля КНР над тибетскими территориями, его лично и его монастырь насильственные формы социалистических преобразований некоторое время не касались. Таким образом, в течение трех лет юные монахи из Кумбума имели возможность изучать буддийские науки в одном из центров традиционной буддийской учености, как им это и предназначалось по статусу. Но уже осенью 1964 г. «религиозная реформа» добралась и до монастыря Ташилхунпо. Не без иронии Арджа-ринпоче пишет о том, как местные монахи с любопытством наблюдали за неожиданным появлением «рабочей группы» из 100 чел. в зеленых пальто и как монахи шутили по поводу вооружения этих мирян, внезапно вторгнувшихся в монастырь, «который в течение нескольких сотен лет видел только бордовые монашеские одеяния» (с. 115). Самому 14-летнему ринпоче было не до смеха: «бывалый участник движения», присутствовавший на первом собрании по «разоблачению феодальных прихвостней» в Кумбуме, прекрасно знал, чего можно ждать от этих пришельцев. Название главы, начинающейся с этой сцены, – «Ринпоче, чистильщики туалетов» (с. 115–117) – красноречиво указывает на то, каким был последующий ход событий.

В скором времени Панчен-лама, выступивший с открытой критикой действий властей в Тибете, был заклеен как контрреволюционер. Дополнительно, с целью подрыва его репутации, были выдвинуты обвинения в различных моральных преступлениях. В частности, у него была «обнаружена» любовница. Мало того – двух привезенных им из Кумбума мальчиков-*ринпоче* «ответственные работники» попытались объявить его тайными детьми. Абсурдность обвинения показывала, чего стоят и все другие, так что два «сына Панчен-ламы» «посмотрели друг на друга и, не выдержав, громко расхохотались» (с. 124). Разумеется, смешного в происходивших событиях было мало, тем более что очень скоро начался макабрический хаос культурной революции.

После ареста их покровителя два юных *ринпоче* вернулись в Кумбум, чудом избежав трудового «перевоспитания» на грозившей им истощением и гибелью целине в Гамбо Гьямтанг (с. 125). В Кумбуме Арджа-ринпоче стал свидетелем погрома, учиненного хунвэйбинами, нанесшими большой урон старинным храмовым постройкам монастыря, его сокровищам буддийского искусства, книгам и другим реликвиям (с. 141–143). Только присущие этому движению малая осмысленность и слабая организованность помешали тотальному уничтожению материальных куль-

турных ценностей. Часть выброшенных вещей сохранилась в домах у простых людей (см. яркий пример на с. 143).

Мне как исследователю тибетского книжного наследия особенно печально было читать об утратах библиотеки Кумбума. При разборе книгохранилища, которым Арджа-ринпоче занимался уже после смерти Мао Цзэдуна и отстранения от власти его ближайшего окружения (так называемой «банды четырех»), выяснилось, например, что в комплекте нартангского ксилографического издания буддийского канона недостает 50 томов. Эти и многие другие священные книги были сожжены прямо во дворе одного из храмов Кумбума: «Прошло больше десяти лет, но сейчас, как наяву, перед моими глазами возникло пламя, буйствующие хунвэйбины и послышался плач монахов» (с. 142–143, 173). К счастью, многие книжные сокровища уцелели, например полный рукописный экземпляр первой части буддийского канона в 110 томах, созданный в XVIII в. одним из амдоских ученых лам (Лундо-ламой) (с. 171). Деревянные доски, с которых печатались ксилографы (а их было около десяти тысяч), хунвэйбины вытащили на улицу, чтобы сжечь, и только счастливая случайность уберегла их от уничтожения, хотя часть досок все же была утрачена (Там же).

Либерализация политической и социальной жизни в КНР, начавшаяся с приходом к власти Дэна Сяопина, привела к постепенному возвращению Кумбуму и его обитателям того положения, которого они были достойны, хотя о полном возврате к прошлому не могло быть и речи в условиях модернизации страны под контролем компартии Китая. Арджа-ринпоче сообщает много ценных сведений о том, как конкретно проходил процесс обретения буддистами прав на свободное исповедание религии [II], восстановления храмов, привлечения представителей тибетского буддизма к работе в государственных и образовательных структурах. К центральным эпизодам этой части книги относятся женитьба Панчен-ламы на Ли Цзе, внучке бывшего гоминьдановского генерала Дун Циу (с. 196–198), посещение Кумбума представителями Далай-ламы во главе с его братом Туптэн Намгелом (с. 205–209) [III], предложение Арджа-ринпоче вступить в компартию, которое он осторожно отклонил (с. 211–213), реставрация одной из главных святынь Кумбума – ступы Пробуждения (с. 227–231), создание Панчен-ламой тибетоязычного буддийского университета в Пекине, в котором «ринпоче из отдаленных монастырей» получили возможность обучаться (наверстывая упущенное) так называемым «пяти великим наукам» индо-тибетского буддизма (с. 255–258) [IV]. В 1980-е гг. Арджа-ринпоче также впервые «увидел свет» – побывал в Непале, Канаде, Южной Америке.

Период новой турбулентности в жизни автора книги начинается в 1987 г., когда она в составе большой делегации под началом Панчен-ламы отправляется в Лхасу, где произошло подавление одной из демонстраций, которые, как коротко упоминается в книге, были в то время «частым явлением» (с. 258). Местные власти попытались убедить Панчен-ламу в том, что Тибетский автономный район развивается успешно и «широкие массы верующих» признательны компартии, что есть лишь горстка «дурных людей, которые не выдержали и под (*sic!*) подстрекательством зарубежных сепаратистов решили свергнуть КПК и восстановить людоедскую рабовладельческую систему» (с. 261). Делегации была продемонстрирована пленка с записью событий, которая обрывалась на моменте приближения группы монахов и монахинь к главному храму Тибета Чжокангу. Лишь ценой угрозы, что Панчен-лама тотчас уедет из Лхасы, ему удалось заставить руководителей ТАР показать ему всю запись, которая зафиксировала стрельбу полицейских по демонстрантам. Реплика Панчен-ламы – «Вы видели, что полиция стреляла первой?» (с. 264) – кажется, говорит о том, что имел место ответный огонь, но, к сожалению, из книги мы не узнаем всех деталей происшествия. Рассказчик концентрируется на том, что

видел сам, в частности на неожиданной смерти «начальника второго управления Бюро по делам религии Госсовета Лао Чжао» (с. 266), настигшей его во время доклада рабочей группе, в котором он, по всей видимости, признавал наличие ошибок со стороны властей в отношении тибетского населения, хотя и здесь автор книги не пишет конкретно, что именно было им сказано. Не рассказывает автор и о причинах столь драматичной кончины Лао Чжао, о них нам остается только догадываться. В конечном счете, несмотря на многочисленные встречи Панчен-ламы и его делегации с различными чиновниками и, возможно, представителями духовенства (последние прямо нигде не упомянуты), визит рабочей группы не принес особых результатов. Впрочем, в финальную резолюцию, оглашенную руководством ТАР, наряду с тезисом о продолжении борьбы с сепаратизмом было включено признание ошибочности применения оружия полицией (с. 268).

Я намеренно отметил ряд неясностей в изложении данного эпизода. Несколько лоскутная манера описания событий (намеренная или нет – трудно судить) в целом свойственна этой книге и, как мне показалось, в большей степени – именно в той части, где Арджа-ринпоче становится значимой политической фигурой.

Последующая цепочка событий, отражающих постепенный отказ властей КНР от поиска подлинного компромисса с лидерами тибетского буддизма, привела Арджа-ринпоче к бегству из страны. После неожиданной и весьма подозрительной смерти Панчен-ламы в начале 1990 г. (с. 278–282) возникает ставшая известной на весь мир коллизия с утверждением его нового перерождения: в пику независимой процедуре, результат которой был утвержден Далай-ламой, ЦК КПК санкционировал новые выборы, причем с использованием жребия из т. н. «золотой урны» [V]. Арджа-ринпоче, ставшему к тому времени настоятелем Кумбума (с. 289–292), пришлось принять участие в этой процедуре, результат которой был предreshен заранее (с. 345–348). Некоторое время спустя ему было предложено стать официальным наставником «коммунистического» Панчен-ламы (с. 351–352), а потом – выступить на одном из заседаний с критикой в адрес Далай-ламы. Хотя он в первом случае постарался отказаться от предложения, а во втором – «по мере возможности избегать самых острых критических слов в отношении своего «верховного учителя» (с. 356–357), тем не менее он понимал, что в дальнейшем давление на него будет только усиливаться. Нежелание испытывать свои убеждения на прочность пересилило опасения подвергнуться аресту и репрессиям за «предательство родины».

Бегство произошло в начале 1998 г., вскоре после празднования восточного Нового года. Арджа-ринпоче живо описывает, какие чувства он испытывал в течение путешествия, пока не вышел из аэропорта на «вольный» воздух Гватемалы (с. 364–368), где, между прочим, он мог рассчитывать только на помощь друзей, обеспечивших его и небольшую группу его приближенных жильем и питанием. Не совсем понятно из книги, почему беглец, бывший отнюдь не последним лицом в буддийской иерархии, обратился за помощью к Далай-ламе, лишь когда подходила к концу его виза и он уже не знал, как ему быть дальше (с. 370–371). Было ли это связано с угрызениями совести из-за некоторых поступков, которые ему пришлось совершить под давлением властей КНР, или это было следствием каких-то иных факторов, нам остается только гадать. Во всяком случае показательным, что в книге с промежутком в одну страницу дважды цитируется следующая фраза из письма Арджа-ринпоче к Далай-ламе: «Из-за культурной революции и религиозной реформы мы не занимались должным образом буддийской практикой, в итоге нанесли урон нашим будущим жизням» (с. 371–372). Далай-лама, обративший особое внимание на эти слова, принял участие в судьбе бегльца, и ему было выслано приглашение в Нью-Йорк от Центра тибетской буддийской культуры.

Любопытно, однако, что, перебравшись в США, Арджа-ринпоче был вынужден довольно длительное время пользоваться гостеприимством совершенно незнакомых ему людей – американцев, проникшихся симпатией к его положению. Лишь в 2006 г. администрация Далай-ламы предложила ему возглавить Тибетский культурный центр в Блумингтоне (Индиана), прежний руководитель которого Такцер-ринпоче, также выходец из Кумбума, решил отойти от дел по состоянию здоровья (с. 414–415).

Таким образом, в конечном счете Арджа-ринпоче не только избавился от идеологического прессинга, которому он подвергался на родине [VI], но и обрел надежную пристань в чужом для него мире, хотя можно подозревать, что определенные аспекты этого процесса остались выражены в книге только намеками.

Несмотря на некоторые оговорки, данная книга является уникальным личным свидетельством о всем новейшем периоде тибетской истории, начиная с 1950-х гг., притом принадлежащим отнюдь не рядовому человеку. Вследствие своего высокого религиозного статуса Арджа-ринпоче оказался свидетелем и участником многих ключевых событий, связанных напрямую с т. н. «тибетским вопросом». Изложены они с простотой и искренностью, с большим количеством ярких деталей, добрым юмором, мягкостью даже в отношении людей, совершавших дурные поступки. Эти качества книги могут компенсировать для широкого читателя изобилие деталей, рискующих порой остаться не вполне понятными: дело в том, что перевод сделан не с краткой английской версии биографии, а с расширенной китайской, которую Арджа-ринпоче написал специально для китайского читателя, надеясь донести до него свой взгляд на суть происходивших с ним событий. Выбор для русскоязычного издания именно этой версии поставил перед переводчиком трудную задачу, но И. Р. Гарри достойно справилась с ней, предоставив полный доступ для коллег-исследователей к одному из ключевых текстов по современной политической истории Тибета.

Вероятно, к любому переводу можно предъявить те или иные претензии, и в данном случае критический взгляд найдет ряд стилистических погрешностей, но они не портят общего впечатления и полностью окупаются значимостью содержания книги [VII]. Тот факт, что в течение одного года первый тираж полностью разошелся и было выпущено второе, исправленное и дополненное издание, говорит о необычайном интересе к книге со стороны не только научных кругов, но и широкой общественности, прежде всего в Бурятии, Калмыкии и Тыве. Исторический опыт коренных жителей этих республик отчасти похож на то, что описано в автобиографии Арджа-ринпоче. Хочется верить, что в демократической Российской Федерации никогда не будут использоваться дискриминационные практики, отличающие действующую политическую систему в КНР – стране, где монополия на власть по-прежнему принадлежит одной партии.

Примечания

I. Эпитет «ринпоче» (букв. «драгоценный») может иногда использоваться в отношении буддийских учителей, которые не являются *трулку*, но в данной книге он используется именно в таком значении.

II. Особенно примечательны своего рода сеансы публичной психотерапии, именуемые в книге «рассказами о накипевших обидах» (с. 178–181).

III. Примечательная подробность: к тому времени *ринпоче* Кумбума еще не вернулись к ношению монашеского одеяния (*кашаи*) и продолжали носить светскую одежду (см. фото на с. 206), что вызвало соответствующий вопрос со стороны представителей Далай-ламы, без особого доверия относившихся к заверениям принимающей стороны в том, что буддистам возвращена свобода религии. Сами высокопоставленные монахи замешкались, не зная, что

ответить. «Поэтому партсекретарь спросил нас: “А действительно, почему вы не в кашах?” Пока мы оглядывались друг на друга, собираясь что-нибудь пробормотать, кадровый работник из Единого фронта помог нам выйти из затруднительного положения: “Надевать монашеское одеяние или нет – это их свобода, возможно, им не очень хочется ее надевать”» (с. 208). Из книги трудно понять, стало ли это замечание (то ли наивное, то ли циничное) сигналом к восстановлению традиции ношения монашеского одеяния в Кумбуме, но, во всяком случае, оно имело место.

IV. Еще одна яркая деталь: Панчен-лама включил в программу занятия физкультурой, во время которых монахи «соревновались в совершении длинных и коротких простираний, а также обходах ступы» (с. 258).

V. Тем самым Коммунистическая партия КНР парадоксально выступила в роли продолжателя имперских традиций Китая: в XVIII в. цинская администрация инициировала выборы далай-лам с помощью «золотой урны», куда помещались дощечки с именами претендентов. Среди тибетцев эта процедура никогда не пользовалась популярностью.

VI. Бегство его, разумеется, стало скандальным событием для КНР, но китайские спецслужбы не делали попыток вернуть Арджа-ринпоче назад силой (чего он опасался по вполне понятным причинам).

VII. Отдельно выскажу два замечания к так называемому научному аппарату: во-первых, передача тибетских имен не вполне унифицирована: *Лобсанг* соседствует с *Рапгье*, а *Джигме* с *Пакмодрупа*; во-вторых, индекс имен и названий практически не содержит имен китайских чиновников и политических деятелей, что затрудняет работу с книгой.